УДК 316.723
DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-269-275

Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме

Касимов Р.Н.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела междисциплинарных и прикладных исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Поздеев И.Л.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела междисциплинарных и прикладных исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Одной из важнейших задач, стоящих перед отечественной гуманитаристикой, является изучение причинно-следственных связей между различными процессами и явлениями в субкультурах, оказывающих влияние на современный социум. К их числу можно отнести обычаи и традиции криминальной тюремной субкультуры. Тюремная субкультура всячески поощряет асоциальные модели поведения в исправительных учреждениях; ориентирована на поддержание идей противозаконной деятельности, которые распространяет среди обычных граждан, оказывая значительное влияние на повседневную жизнь российского социума.

Целью исследования является анализ проявлений тюремной субкультуры в процессе её интеграции в общественное сознание, выявленной среди типичных носителей такой культуры. Для достижения поставленной цели авторам статьи необходимо было решить следующие задачи: дать определение понятию «тюремная субкультура» (в ключе общего культурологического понятия «субкультура»); рассмотреть характерные и особенные черты тюремной субкультуры; привести примеры формирования носителями тюремной субкультуры экстремистских идей в российском социуме.

Научная значимость работы заключается в том, что на основании анализа фактологического материала выявляются основные тенденции, протекающие среди носителей тюремной субкультуры. Практическая значимость работы видится в том, что сотрудники исправительных учреждений, представители органов власти смогут использовать в своей деятельности обоснования и выводы авторов статьи. Они могут помочь специалистам в выявлении механизмов воздействия тюремной субкультуры на осужденных; осознать степень асоциального потенциала конкретного сообщества; выявить негативные явления тюремной субкультуры, присутствующие в жизни простых граждан.

Авторы приходят к выводу, что протекающая интеграция тюремной субкультуры в массовую культуру ведёт к проникновению её норм в повседневную жизнь граждан и формирует специфический язык вражды и агрессии в культуре повседневности. В настоящее время наблюдается ситуация, при которой тюремная субкультура начинает вбирать и интегрировать в себя «культурные коды» других экстремистских направлений. Приравнивание всей тюремной субкультуры к экстремистскому движению «АУЕ» приводит не только к усилению противостояния между администрацией исправительных учреждений и контингентом заключенных, но и формирует нездоровый интерес к экстремистским идеям в российском обществе, особенно среди подростков и молодёжи.

Ключевые слова: *тюремная субкультура, экстремистская идеология, экспертиза, асоциальное поведение, татуировки*

Для цитирования: *Касимов Р.Н., Поздеев И.Л. Тюремная субкультура как фактор формирования экстремистских идей в российском социуме // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 269–275. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-269-275.*

Современная антропология, как отрасль научных знаний, представляет собой совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением феномена человека во множестве его проявлений: происхождение, развитие культуры и цивилизации, существование человека в природной (естественной) и культурной (искусственной) среде. Антропология субкультур – отдельное направление в современных исследованиях, которое изучает специфические сообщества с точки зрения их отличительных признаков, закономерностей возникновения и бытования в прошлом и на современном этапе, ценностей и стереотипных моделей поведения, взаимосвязи с развитием всего общества, а также места среди других социальных групп в культурном пространстве социума. Полученные в результате исследований материалы дают представления о том, каким образом в формах проявления субкультуры отражается система ценностей их носителей, а также позволяют проанализировать особенности поведения и потребности представителей тех или иных субкультур в современном обществе. В этой связи все большую теоретическую актуальность и практическую значимость приобретает комплекс вопросов, связанных с изучением тюремной субкультуры.

Деятельность пенитенциарной системы порождает и формирует специфическую субкультуру, внутри которой оформляются асоциальные модели поведения, культивируется культ насилия и язык вражды. На данный момент наблюдается ситуация, когда нормы деструктивной субкультуры, в том числе через сообщество «АУЕ» («Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство»[1]), её особенный язык и символы активно проникают сегодня в социокультурную сферу российского социума. Проявления романтизации и популяризации «жизни по понятиям» можно наблюдать в СМИ, в сети Интернет, на телевидении и в кино (чего только стоит высокий рейтинг сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте»), в языке повседневного общения вполне законопослушных граждан, в способах выстраивания иерархии взаимодействия между отдельными индивидами и группами людей, в философии повседневности.

В этой связи в работе делается попытка выявления и анализа процессов, протекающих среди носителей тюремной субкультуры в контексте формирования и распространения криминальной идеологии в российском обществе. К сожалению, такое влияние становится почвой формирования языка вражды, проявлений ксенофобских и экстремистских идей, прежде всего среди молодёжи. Источниковой основой исследования послужили запросы Центра по противодействию экстремизму МВД по Удмуртской Республике, поступавшие в Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН с ноября 2023 г. по октябрь 2024 г., на проведение исследования (экспертизы) текстовых, фото и видеоматериалов. Материалы не содержат служебную информацию и персональные данные, сформированы в архивное дело и переданы на хранение в Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН [1].

Укоренению и «врастанию» в культуру граждан современной России ценностей тюремной субкультуры и АУЕ-идеологии способствуют некоторые негативные явления, характерные для социальной и культурной жизни страны на современном этапе. Начиная с 90-х гг. прошлого века, к ним прежде всего следует отнести: финансово-экономическую нестабильность; обнищание населения и, как следствие, рост преступности; формирование культа «золотого тельца»; отказ от ценностей коллективизма и интернационализма. Проблемы эти остаются

[1] Признана Верховным Судом Российской Федерации экстремистской организацией, деятельность на территории РФ запрещена.

актуальными и сегодня, в том числе на фоне проведения Специальной военной операции. Они и порождают потребность населения в поиске простой и понятной картины мира с эффективной системой объяснения жизни. Такой простой и логичной схемой объяснения роли человека в социуме зачастую может выступать идеология тюремной субкультуры, где мир безапелляционно разделяется на чёрное и белое, где всё подчиняется строгой иерархии, а для любого явления найдется понятное объяснение.

Кроме того, следует учитывать стойкость архетипических представлений в духовной сфере современного российского социума. Известно, что общественное бытие обладает пространственно-временным потенциалом, который подпитывается исторической приобщённостью человека к культурным стереотипам, к архаическим традициям и ритуалам, что особенно усиливается в кризисных условиях. Так, С.Б. Пономарев, исследовавший тюремный социум как сложный социобиологический феномен и самоорганизующуюся систему [2], отмечает: «Длительное пребывание личности в пенитенциарном пространстве, которое характеризуется конфликтогенностью, непредсказуемостью и опасностью, потребность в адаптации к экстремальным условиям существования, созданию социальной структуры, в которой существуют пусть жестокие и античеловеческие, но понятные правила, а также желание неким магическим образом воздействовать на ситуацию для получения желаемого результата (в том числе с помощью символических действий) – все это способствует созданию и развитию системы устойчивого трехчленного тюремного цикла "архетип – тотем – табу", который в условиях мест лишения свободы отличается высокой степенью оформленности и завершенности» [3, с. 139–140]. По мнению другого исследователя экстремальных сообществ К.Л. Банникова, «Речь ... об универсальных архетипических парадигмах социальных организаций, которые принимают на себя функции правовых институтов там, где эти институты пребывают в состоянии затянувшегося кризиса. … архетипы культуры помогают пережить кризис культуры» [4, с. 7].

Имеющиеся в доступе материалы показывают тесную связь между тюремной субкультурой современности и традиционной культурой архаичных сообществ, которая прослеживается не только на уровне аналогий между укладом и ритуалами, между отношением к символам и знакам, но и на уровне жёсткой социальной иерархии и дифференциации общественных отношений. В сентябре 2024 г. из Министерства внутренних дел по Удмуртской Республике поступил для исследования изъятый из мест лишения свободы документ «Уклад», в котором идет обращение к лицам, находящимся за решеткой: «Приветствуем Всех Порядочных Арестантов, Мужиков, тех, кто впервые вне воли, всех тех, кто живет нашей Жизнью Воровской, всех тех, для кого Воровские Традиции святы и незабвенны. В данном Прогоне все изложенное касается Уклада Жизни Нашей» [1, л. 203] (орфография документа сохранена – прим. авторов). Это типичный пример описания жизни и поведения (Уклад Жизни Воровской) для человека, оказавшегося в тюремной субкультуре (Дома Нашего Общего). Основная идея документа – подчинение определенным правилам поведения («понятиям»), оказание помощи «общаку», как необходимому органу управления организованным преступным сообществом, поддержка «дорог» – «это кровеносные сосуды Нашего Дома… по этим Дорогам идут слова Воров» [1, л. 204]. В документе упоминается сложившаяся в тюрьмах трехчастная социальная структура: 1) «авторитетные воры» и связанные с ними «арестанты», «старые каторжане»; 2) не имеющие богатого криминального прошлого «мужики»; 3) «обиженные», от которых «тоже есть реальная помощь Общему».

Однако, выполнение тех или иных предписаний «воровских прогонов», следование стереотипам восприятия и поведения далеко не всегда ведёт к поддержанию равновесия социальной структуры «зоны», сохранению статуса «сидельца». Современная тюремная субкультура в большей степени соответствует структуре постмодернистского общества, характеризующегося непостоянством и прерывистостью социальных связей «каторжан», двойными стандартами и многообразием смыслов и значений знаков и символов, идеологических установок тюремной субкультуры. Например, знаки фашисткой свастики, или руны «*SS*», часто употребляемые в сочетании символов тюремных татуировок, нашими согражданами воспринимаются однозначно как образы нацистской, фашистской идеологии, но для самих арестантов, это прежде всего аллегория противопоставления себя органам государственной власти. К примеру, наиболее типичными материалами, направляемыми на проведение экспертизы, выступают фотоизображения татуировок заключенного [1, л. 65–69]. Среди них большая часть ассоциируется с классическими тюремными татуировками, в том числе: изображения в виде витого эполета, оскала животного, черепов, паутины, а другая часть – с нацистской символикой (разнообразные свастики; кресты, сходные с нацистской символикой; иные знаки и символы).

Исследователи отмечают, что тюремная субкультура является разновидностью криминальной субкультуры, сформированной в местах лишения свободы. Впрочем, как уже говорилось выше, такое явление проявляет себя не только в специальных изолированных культурах тюрьмы или лагеря, но и в современной культуре граждан, когда ценности и нормы поведения тюремной субкультуры «преодолели барьеры пенитенциарных учреждений

и стали неотъемлемой частью легитимных социальных и культурных практик» [5, с. 230]. Пребывание в местах лишения свободы для российского заключённого в большинстве случаев не означает прерывание криминального опыта, но способствует его расширению и трансформации в опыт тюремный.

Культивирование ценностей (абстрактных идеалов) в любой культуре означает наличие определенного типа мировоззрения и регламентированных моделей поведения. Отличительной характеристикой ценностей тюремной субкультуры является то, что их формирование происходит в условиях противостояния двух систем ценностей: официальной, выраженной режимными правилами и культурой администрации тюрем, и неофициальной «жизни по понятиям» со стороны осужденных. Другими словами, в местах лишения свободы АУЕ-идеология, став частью субкультуры вне закона, усилила конфронтацию между заключёнными и представителями власти. Примером может послужить следующий запрос на проведение экспертизы и оформление консультативного заключения [1, л. 170–173]. При изучении фотоизображений помещения наблюдаются буквы А У Е, изображённые на стене, вероятно, куском хозяйственного мыла. Аббревиатура выступает знако-символьным определителем субкультуры «АУЕ». Такое сочетание букв (АУЕ – Арестантский уклад един, Арестанское уркаганское единство) означает принцип коллективного существования в тюрьме. С точки зрения «авторитетов на зоне», это один из важнейших принципов тюремной субкультуры. Он заключается в том, что все конфликты в местах лишения свободы должны разрешаться только мирным способом, т.е. без каких-либо драк и поножовщины. Сокамерники обязаны понимать, что их объединяет общая беда и никто из них не попал в тюрьму по своему желанию. Все, оказавшиеся под одной крышей, все понимающие, что значит АУЕ, обязаны относиться друг к другу по-товарищески. Об этом упоминается и в цитируемом ранее «прогоне». В тюремной субкультуре такие позиции, как «жизненный комфорт», «социальная стабильность», «личностный успех», характерные для массовой культуры, объединяются среди осужденных идеалами «уклада жизни воровской». Это значит, что под жизненным комфортом осуждённые понимают доступ к благам «воровского общака»; под социальной стабильностью понимается «уважаемая масть» и усилия по сохранению себя в ней; под личностным успехом понимается дерзкое поведение по отношению к представителям тюремной администрации, к сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Кто достигает успеха «на зоне», тот становится уважаемым «отрицалой» с правом ношения «эполетов» и «воровских звёзд» на своем теле.

Примером также может послужить следующий материал: на полученных фотоизображениях татуировок заключенного были зафиксированы две наколки, ассоциируемые с классическим тюремным символом в виде восьмиконечной «розы ветров», который в тюремной субкультуре называют «звездой воров». Среди «блатных» татуировок такой символ существует давно. Как правило, такую символику носят признанные «лагерные авторитеты». Накалывают ее обычно «злостные отрицалы», то есть те, кто постоянно нарушают тюремные порядки, они отказываются от работы, нарушают распорядок и т.д. [1, л. 138–140]. Еще пример: на левом надплечье заключенного наблюдается изображение, ассоциируемое с классической тюремной татуировкой в виде эполета сложной композиции. Такой рисунок с эполетом могут делать те заключенные, чей авторитет внутри тюремной субкультуры не подлежит сомнению. Также такая татуировка может быть сделана тому, кто отбывал свой срок в колонии строгого режима. Различные «эполеты» (погоны) являются отличительными знаками лагерной субкультуры наряду с «воровскими звездами», которые также наблюдаются на груди мужчины. Они как бы удостоверяют право осужденного, который их носит, на применение силы по отношению к другим заключенным [1, л. 183–186].

Как видим, ни о каком уважительном отношении к личности отдельного человека речи не идёт, всё решают коллективные установки и стереотипы восприятия «арестантского уклада». Другими словами, в интерпретации тюремной субкультуры ценности традиционной общины и современной массовой культуры, сохраняя свою формализованную оболочку, реализуются через асоциальные практики, нарушающие законы государства и противоречащие моральным установкам большинства населения страны. Язык вражды, культивируемый в местах лишения свободы и выраженный идеологической установкой «Б.А.Р.С. – Бей Актив – Режь Сук», которую можно видеть в виде татуировок на пальцах заключённых, подразумевает, что «актив» и «суки» – это большинство законопослушных граждан, подчиняющихся правилам и законам государства. Им противостоят «уважаемые воры» и «отрицалы». Это находит своё отражение ещё в одной достаточно распространенной татуировке на пальцах с аббревиатурой «Л. Х. В. С.», которую можно читать как: «Легавым Хер – Ворам Свободу» или «Людскому Ходу – Ворам Свободу» [1, л. 177–180].

Социальный аспект влияния тюремной субкультуры определяется субъективным распределением ответственности за какой-либо поступок между несколькими членами тюремного сообщества. При этом наблюдается зарождение и развитие самобытных традиций, её репрезентации в сложных художественных формах изобразительного искусства и фольклора [4, с. 23]. Ясно, что в местах лишения свободы оказываются, преимущественно «мужи-

ки», «первоходы» – представители разных этносов и конфессий, различных социальных страт, которые в условиях коллективной системы содержания не отделены от преступников-рецидивистов, «пересидков», «отрицал» и «авторитетных воров» и вынуждены принимать «уклад воровской жизни». Это, безусловно, способствует масштабному распространению и закреплению ценностей тюремной субкультуры даже среди тех, кто не является сторонниками АУЕ-идеологии. Надо понимать, что идеология АУЕ является частью тюремной субкультуры, она служит своеобразной «витриной» в массовой культуре, но она не тождественна идеологии российской организованной преступности. Свои идеологические основания и ценностные установки «АУЕ» берёт из «воровских понятий», но при этом особенный язык, знаки и символы этой организации присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности российского социума, в том числе в различных молодежных сообществах. В «молодёжной версии» экстремистской организации доминируют не столько глубинные принципы «воровского уклада», сколько внешние его проявления: специфический жаргон и язык вражды (лозунги и призывы в социальных сетях и мессенджерах и пр.); знаки и символы тюремной субкультуры (татуировки, «патчи», «аватарки» в сети Интернет и пр.); романтизация и идеализация «жизни по понятиям»; черно-белая картина мира с «реальными пацанами» и «чушпанами» на разных полюсах примитивного мироощущения.

Также наблюдается взаимодействие и интеграция АУЕ-идеологии с идеологией других экстремистских групп, в том числе неонацистских и неоязыческих. Примером может послужить следующий запрос на проведение экспертизы и оформление консультативного заключения: при изучении фотоизображений татуировок заключенного наблюдаются татуировки, ассоциируемые с классическими тюремными (в виде витого эполета, оскала животного, черепов, паутины). Кроме того, присутствуют татуировки, сходные с нацистской символикой: разнообразные свастики, кресты. На животе наблюдается крупная надпись полукругом «Славянин», выполненная в готической стилистике. На его левом плече и левой руке хорошо прочитывается надпись на немецком языке – «*Wir haben sieg unsere sein*», которую можно перевести примерно так: «Победа будет нашей». Эта надпись располагается ниже двух крестов сложной формы, напоминающих награды Третьего рейха, в частности, «Германский орден» (высшая государственная награда нацистской Германии). На правом плече видим «эполет» со свастикой, как символ, удостоверяющий право человека, который его носит, на применение силы по отношению к другим заключенным. Ниже – плохо читаемая надпись, видимо, на немецком языке и плохо прочитываемый образ Мадонны с младенцем на руках. Изображения Богородицы с младенцем Иисусом Христом имеют, как правило, два значения: «Тюрьма – мой дом» и указание на заключение в исправительное учреждение до совершеннолетия. Ниже, под изображением Богоматери, крупная надпись на немецком языке – «*Jedem das Seine*» («Каждому своё»). Эта фраза – лозунг, который вывешивался над входом в некоторых нацистских концлагерях. В частности, наибольшую известность эта надпись получила в связи с историей лагеря «Бухенвальд». На правой руке мужчины множество татуировок. Здесь и череп, и сочетание свастик, «шагающих» как по часовой стрелке, так и против часовой стрелки, надписи на английском языке и на латыни. Надписи на английском языке восхваляют «белую расу» и призывают к уничтожению представителей охраны правопорядка. Читается надпись на латыни, выполненная с ошибками. Видимо, это известное изречение «*Si vis pacem, para bellum*» – латинское крылатое выражение, которое можно перевести как: «Хочешь мира, готовься к войне». Также на руке есть изображения трех скандинавских рун. Предположительно, слева направо: Альгиз, Отал (Одал), Тейваз. Руна «Альгиз», означает «жизнь и рождение детей». В период Третьего рейха эта руна часто использовалась, например, возле даты рождения на надгробии. Некоторые праворадикальные течения могут использовать данную руну похожим способом и сегодня. Руна «Одал» толкуется как «наследие предков». А руна «Тейваз» или «Тир» трактуется в значении «воинская доблесть и мужество». Руна является эмблемой Северного движения сопротивления – североевропейской неонацистской организации, цель которой состоит в построении национал-социалистического тоталитарного правления в современной Скандинавии. Кроме того, на теле можно увидеть ряд других текстов, связанных с националистической и неофашистской тематикой. В частности, надпись, представляющая странное сочетание слов на немецком языке «*Russland nicht caput nict capitulieren*» (Россия не сдается и не капитулирует), которое окружает знак – круг с фашистской свастикой, явно отсылающий к партийному знаку НСДАП. Среди прочих разнообразных изображений возможно разглядеть изображение морды бульдога с оскалом, вокруг которой размещаются множественные надписи на латинице, которые плохо читаются; изображение рун «*SS*», вписанное в круг; на локте «паутина» со свастикой в центре; кресты, выполненные в различной стилистике [1, л. 37–41].

Еще один пример: скриншоты с видеозаписи показывают у заключенного открыто демонстрируемую на левой кисти татуировку в виде паутины с черной полосой вдоль костяшек пальцев, а на правой кисти – татуировка в виде венка, в середине которого расположен рисунок кастета [1, л. 190–198].

Паутина четко ассоциируется с тюремной субкультурой: обычно «паутина» – это татуировка наркоманов [6, с. 59], паук без паутины может обозначать вора-карманника [7]. Наколка на правой руке имеет более сложное значение. Известно, что, татуировку кастета в венке могут сделать те люди, которые имеют отношение к сторонникам националистического движения под наименованием «*National socialism/ White Power*» («*NS/WP*»). В 1990-е гг. в России появились первые неонацистские организации, в том числе «Белая сила» (*White Power – WP*»). Только если в Европе «избранными» считают представителей романо-германских народов, то российские неонацисты к арийской расе относят славян. «*National socialism/White Power*» («*NS/WP*») – одна из самых радикальных неонацистских организаций России, возникшая в середине 2000-х гг., признана Верховным Судом Российской Федерации террористической организацией. В сети Интернет есть тематические *Telegram*-каналы, объясняющие идеологию и символику *National-Socialism/White Power* (*NS/ WP*). Например, пользователь под именем Неизвестный Потрошитель в сети Интернет (в свободном доступе) пишет, что символ кастета в венке обозначает поддержку «уличного террора как главного метода борьбы «за наши священные идеи». Оригинальный эскиз был придуман одним из создателей *NS/WP* в 2006 г. Любой, кто демонстрирует его ради бестолкового эпатажа, для извлечения прибыли или иной личной выгоды, трактует иначе – враг, с которого при первой возможности должен быть произведен соответствующий спрос» [8].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Пропаганда и агитация «воровского уклада», внедрение тюремной субкультуры в массовую культуру ведёт к проникновению её норм в повседневную жизнь граждан и формирует определенный язык вражды и агрессии в культуре повседневности.

Наблюдается ситуация, при которой тюремная субкультура начинает вбирать и интегрировать в себя «культурные коды» других экстремистских направлений, прежде всего неонацистского. Нередким становится явление, когда на теле человека к традиционно тюремным татуировкам добавляются символы других, запрещенных в России организаций. Думается, это во многом обусловлено притоком людей, осужденных по «экстремистским» статьям и вынужденным взаимодействовать друг с другом в условиях заключения.

В современной массовой культуре татуировка начинает играть роль своеобразного знака уникальности личности, отделяющего его от социума. Это знак «ее семантической атомизации, распада общества на «мыслящие атомы», сообщающие друг другу: «Я – не вы» [9, с. 104]. В то же время, попадая в места заключения, такие люди сталкиваются с ситуацией, где татуировка выполняет совершенно противоположную функцию, идентифицируя её носителя как представителя криминального мира, и позволяя посвященным «расшифровать» биографию и жизненные принципы индивида.

Юридическое приравнивание всей тюремной субкультуры, имеющей многолетнюю историю, свои сложившиеся на протяжении десятилетий ценностные установки, обрядовую и семантическую специфику, к экстремистскому движению «АУЕ» ставит его носителей (в том числе и носителей татуировок) вне «закона», что приводит к эскалации насилия, усилению противостояния между администрацией пенитарных учреждений и контингентом заключенных. Поэтому среди заключенных усиливается поддержка идей АУЕ как основной идеологии противостояния государству, а также интеграция с другими экстремистскими группировками.

Литература:

1. Консультативные заключения экспертов УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН на запросы Центра по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел по Удмуртской Республике (ЦПЭ МВД по УР) и документы к ним // Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Дело 1707а. Л. 1–204.
2. Пономарёв С.Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем: монография. Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2017. 144 с.
3. Пономарёв С.Б. Анализ триады «архетип – тотем – табу» в пенитенциарной субкультуре: монография. Ижевск: Управление информационных ресурсов ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2021. 160 с.
4. Банников К.Л. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 402 с.
5. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности // Вестник СГТУ. 2013. №1 (70). С. 229–233.
6. Балдаев Д.С. Татуировки заключенных: Альбом. СПб.: Лимбус Пресс. 168 с.

7. Энциклопедия бандитских татуировок // Бюро научно-технической информации. URL: http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=760&lvl=05.&ysclid=m1jgqz1fn786728654 (дата обращения: 26.09.2024).
8. Telegram-канал контакта «Неизвестный Потрошитель Forwarded from ODERINT DUM METUANT». URL: https://t.me/s8s8jaysson/5869 (дата обращения: 26.09.2024).
9. Банников К.Л., Чианкони П. Татуировка: конфликтный треугольник тела, социума, знака // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 1. С. 91–109.

Prison Subculture as a Factor in the Formation of Extremist Ideas in Russian Society

Kasimov R.N., Pozdeev I.L.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The most important task facing Russian humanities is to study the logical connections between various processes and phenomena in subcultures that influence modern society. These include the customs and traditions of the criminal prison subculture. The prison subculture in every possible way encourages asocial behavior patterns in correctional institutions; it is focused on supporting the ideas of illegal activity, which it spreads among ordinary citizens. By definition, it is incompatible with the implementation of constitutional rights of citizens, but has a significant impact on the everyday life of Russian society.

The purpose of the research is to analyze the manifestations of the prison subculture in the process of its gradual integration into public consciousness, identified among typical bearers of such a culture. To achieve this goal, the authors of the article need to solve the following tasks: to define the concept of «prison subculture» (in the context of the general cultural concept of «subculture»); to consider the characteristic and special features of the prison subculture; to provide examples of the formation of extremist ideas in Russian society by bearers of the prison subculture.

The scientific significance of the work lies in the fact that, based on the analysis of factual material, the main trends occurring among the bearers of the prison subculture are revealed. The practical significance of the work lies in the fact that employees of correctional institutions, representatives of government agencies will be able to use the theoretical justifications and conclusions of the authors of the article in their activities. They can help competent specialists in identifying the mechanisms of the impact of the prison subculture on convicts; understand the degree of asocial potential of a particular community; identify the negative phenomena of the prison subculture present in the lives of ordinary citizens.

The authors come to the conclusion that the introduction of prison subculture into mass culture leads to the penetration of its norms into the everyday life of citizens and forms a specific language of hostility and aggression in the culture of everyday life. At present, there is a situation in which the prison subculture begins to absorb and integrate the «cultural codes» of other extremist movements. Equating the entire prison subculture to the extremist movement «AUE» leads not only to increased confrontation between the administration of correctional institutions and the contingent of prisoners.

Keywords: prison subculture, extremist ideology, expertise, antisocial behavior, tattoos